

Линев Дмитрий Александрович

Исповедь преступника

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Д53

Д53 **Дмитрий Александрович Л.**
Исповедь преступника / Линев Дмитрий Александрович – М.: Книга по Тре-
бованию, 2025. – 271 с.

ISBN 978-5-519-93498-5

Продолжение романов "По тюрьмам", "В пересыльной тюрьме"

ISBN 978-5-519-93498-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ИСПОВѢДЬ ПРЕСТУПНИКА.

УГОЛОВНЫЙ РОМАНЪ

Д. А. ЛИНЕВА.

Судъ надо мной состоялся, я признавъ преступникомъ и обреченъ вынести тяжкое наказаніе. Моя гражданская жизнь кончена. Въ надеждѣ, что для общества, изъ котораго я теперь извергнутъ, моя чисто-сердечная исповѣдь можетъ быть не бесполезна я, пользуясь нѣсколькими, остающимися еще въ моемъ распоряженіи, днями, берусь за перо, чтобы набросать, хотя и неумѣлой рукой, всю грустную исторію моей столь рано загубленной жизни.

ГЛАВА 1.

Мои родители. — Ученіе. — Женильба. — Бѣгство. — Крещеніе. — Семипарія. — Опять бѣгство.

Родина моя—одинъ изъ уѣздныхъ городовъ Московской губерніи. Отецъ мой, по фамиліи Арестъ, давно переселившійся въ этотъ городъ богатый еврей, пользовался большимъ уваженіемъ не только у своихъ единовѣрцевъ, между которыми онъ былъ извѣстенъ какъ ученый и строго-религіозный талмудистъ, но, что бываетъ очень рѣдко, и у русскихъ жителей города. Последнее объясняется необыкновенною честностью, съ которою онъ велъ свои торговые обороты. Собственно говоря, самъ онъ и не занимался ничѣмъ, кромѣ чтенія молитвъ, изученія Талмуда и строгаго наблюденія за точнымъ исполненіемъ въ своемъ семействѣ всѣхъ предписаній талмудистовъ; торговыми же дѣлами занималась исключительно мать моя, женщина обрусѣвшая и далеко не такая ярая фанатичка, какъ мой отецъ.

Благодаря просвѣщенію, въ послѣднее время личности, подобныя моему отцу, и посреди евреевъ встрѣчаются нечасто. Это былъ суровый фанатикъ, съ желѣзной волей, который способенъ былъ на самыя ужасныя жертвы ради исполненія какого-либо самаго незначительнаго талмудическаго обряда. Понятно, что и домъ нашъ былъ домомъ постоянной молитвы, чтенія пророчествъ, комментарій на нихъ. Малѣйшее нарушеніе заведеннаго порядка влекло за собою жестокое тѣлесное наказаніе. Семи лѣтъ отъ роду, я ужь буквально исполнялъ всѣ обряды, и день проводилъ слѣдующимъ образомъ: зимой и лѣтомъ, ровно въ 4 часа утра, отецъ будилъ меня; я умывался, прочитывалъ длинныя молитвы, а затѣмъ и весь Псалтырь. Достаточно было при этомъ зѣвнуть, чтобы быть жестоко избитымъ. Послѣ Псалтыря, слѣдовала полутора-часовая утренняя молитва, послѣ которой всѣ члены семейства чинно завтракали. Отъ 10 ти до 2-хъ часовъ дня, со мной занимался меламедъ (учитель), грязный еврей, преподававшій мнѣ хумэтъ (пятикнижіе съ комментаріями), мишнаесъ (законовѣдѣніе) и пророчества, съ комментаріями на нихъ талмудистовъ. Послѣ обѣда слѣдовала часовая полуденная молитва, чтеніе житія Цадиковъ (угодниковъ) и опять вечерняя молитва. Всѣ эти религіозныя упраж-

ненія исполнялись стоя. Способности у меня были хорошія, и въ 10 лѣтъ, я ужъ удивлялъ проѣзжихъ евреевъ, у насъ останавливавшихся, своими знаніями.

Я уже упомянулъ, что мать моя была обрусѣвшая женщина. Вслѣдствіе-ли своихъ занятій, требовавшихъ постоянныхъ сношеній съ русскими, почему ли другому, только она и сама видимо тяготилась суровою религіозностью отца и тѣми строгими порядками, которые господствовали въ нашемъ домѣ. Меня она очень любила и баловала больше другихъ дѣтей, за что нерѣдко и подвергалась отъ отца большимъ непріятностямъ. Однакожь, ей удалось настоять, чтобы отецъ позволилъ мнѣ полчаса въ день учиться по русски у одного пьяницы чиновника, изъясвившаго готовность выучить меня русской грамотѣ, вмѣсто уплаты своего небольшого долга. Черезъ короткое время, я ужъ бѣгло читалъ русскія книги, къ которымъ такъ пристрастился, что ни побои отца, ни насмѣшки единовѣрцевъ не могли заставить меня бросить это чтеніе. Нечего и говорить, что вскорѣ я сталъ тяготиться бесполезнымъ ежедневнымъ повтореніемъ однѣхъ и тѣхъ-же сухихъ главъ Талмуда и пересталъ рачительно выполнять нѣкоторые обряды. Отецъ догадался, что всему виною «проклятыя русскія книжки»; почему, отобравъ ихъ, немед-

ленно сжегъ и запретилъ мнѣ видѣться съ кѣмъ бы то ни было изъ русскихъ. А когда мнѣ минуло 12 лѣтъ, онъ, чтобы лучше привязать меня къ еврейству, неожиданно женилъ меня на 25-ти-лѣтней еврейкѣ, уроженкѣ м. Шклова, Минѣ Эскинѣ. Не знаю почему, но жена ввухала мнѣ какой-то страхъ и отвращеніе. На третій же день послѣ свадьбы, я, по совѣту моего бывшаго учителя-чиновника, котораго мнѣ, несмотря на надзоръ, удалось повидать, ночью бѣжалъ изъ дома къ одному вліятельному мѣстному помѣщику Александру Александровичу Карасеву, умоляя его избавить меня отъ жены и спасти отъ побоевъ отца. Религіозный помѣщикъ охотно принялъ меня, объявивъ впрочемъ, что онъ тогда только можетъ совсѣмъ оставить меня у себя, если я приму православіе, на что, узнавъ, что меня потомъ отдадутъ учиться, я изъявилъ полное согласіе. На другой же день, Карасевъ отправилъ меня въ одно изъ своихъ имѣній, гдѣ я могъ вдоволь насыщаться чтеніемъ всевозможныхъ русскихъ книгъ. Между тѣмъ, бѣгство мое произвело переполохъ въ еврейскомъ обществѣ. Начались розыски, и когда узнали, что меня скрылъ Карасевъ, желающій крестить меня, отецъ мой пришелъ въ изступленіе. Онъ объявилъ, что пока онъ живъ, не допустить до этого, что убьетъ меня и проч. Онъ бросилъ

ся къ властямъ, но всѣ попытки его были тщетны и 13-ти лѣтъ отъ роду, я былъ присоединенъ къ православной церкви подъ именемъ Дмитрія и принялъ фамилію моего крестнаго отца Карасева. Отецъ меня проклиналъ и запретилъ семейству сноситься со мною. Да и крестный мой сталъ вскорѣ требовать, чтобы я не упоминалъ о своихъ родныхъ и примирился бы съ мыслью, что у меня никого нѣтъ, кромѣ него.

Религіозный до ханжества, крестный мой, ротмистръ Александръ Александровичъ Карасевъ, богатый мѣстный землевладѣлецъ, былъ очевидно очень счастливъ обращеніемъ невѣрующаго и съ первыхъ-же дней моего перехода въ православіе усердно занялся моимъ воспитаніемъ въ строгорелигіозномъ духѣ. Спусти нѣкоторое время, онъ, какъ бездѣтный, пожелалъ усыновить меня, о чемъ и пошелъ куда слѣдуетъ съ ходатайствомъ; но дѣло объ этомъ пріостановилось впредь до представленія имъ документовъ о моемъ рожденіи. Между тѣмъ, ходатайствомъ этимъ крестный отецъ создалъ мнѣ врага въ лицѣ своей жены, женщины корыстолюбивой и потому опасавшейся встрѣтить во мнѣ соперника по наслѣдованію. Постоянные навѣты ея на меня сдѣлали наковенья мое дѣло, и крестный отецъ мой, человѣкъ вообще весьма мягкій и податливый, очень скоро, видимо, охладѣлъ

ко мнѣ. Когда мнѣ минуло 14 лѣтъ, онъ по настояніямъ своей жены и совѣтамъ одной извѣстной духовной особы, приобрѣвшей впослѣдствіи еще болѣе громкую извѣстность своимъ уголовнымъ процессомъ, рѣшилъ сдѣлать изъ меня духовное лицо, полагая поднять меня этимъ на вершину духовнаго и житейскаго счастія. Для осуществленія своего намѣренія, онъ отправилъ меня къ одной своей родственницѣ, находившейся въ дружбѣ со многими духовными знаменитостями, которая сочла за самое лучшее помѣстить меня въ духовную семинарію, о чемъ и было мнѣ объявлено. Нужно знать, что, не смотря на всю строгость, съ какою велось мое исключительно духовное воспитаніе, мнѣ, однакоже, удавалось удовлетворять и свою страсть къ чтенію. Сынъ моего учителя-священника, студентъ университета, секретно снабжалъ меня всевозможными книгами, большею частью естественно-математическими. Этотъ родъ книгъ мнѣ особенно нравился, и я съ нетерпѣніемъ ждалъ, когда меня отдадутъ въ гимназію и я буду имѣть возможность узнать многое, непонятное для меня въ тѣхъ книгахъ. И, о ужасъ! вмѣсто гимназій, вмѣсто того образованія, которое составляло мою главную мечту, меня хотятъ отдать въ семинарію. Когда, въ отвѣтъ на мои мольбы, послѣдовали укоры, упреки, угрозы

и строгое запрещеніе даже думать о гимназіи, я впервые пробудился отъ дѣтскаго сна и положеніе мое предстало предо мной въ своемъ дѣйствительномъ видѣ. Меня стало мучить сознаніе моего сиротства, сознаніе того, что окружающіе меня люди въ сущности совершенно мнѣ чужіе, что отношенія ихъ ко мнѣ имѣютъ какой-то особенный, далеко не родственный характеръ. Я впервые понялъ, что я потерялъ, чего я лишился, впервые оцѣнилъ всю важность моего полу-сознательнаго перехода въ православіе, навсегда лишившаго меня родной семьи, безкорыстной кровной привязанности. Мой рѣшительный отказъ поступить въ семинарію сдѣлалъ жизнь мою въ домѣ крестнаго невыносимою. Отъ меня были отобраны всѣ недуховнаго содержанія книги, меня стали держать особнякомъ, запретили видѣться съ кѣмъ-бы то ни было, кромѣ священника, и, наконецъ, объявили, что если я не поѣду въ семинарію, то меня выгонять, бросать.

Я ужъ былъ не ребенокъ: мнѣ шелъ 15-й годъ. Безцеремонная угроза не могла поэтому глубоко не возмутить меня... Рѣшивъ своимъ юнымъ умомъ, что стоитъ мнѣ только очутиться въ столицѣ и заявить тамъ о своемъ желаніи учиться, какъ меня немедленно

опредѣлять въ гимназію, я 2-го Декабря 1867 г. бѣжалъ изъ дома моего крестнаго отца, добрался пѣшкомъ до ближайшаго уѣзднаго города, гдѣ продавъ свои часы, получилъ возможность доѣхать до столицы.

ГЛАВА II.

Въ столицѣ.—Сиротство.—Публичная библіотека—мой учитель.—Я поступаю въ полкъ.—Незавидное положеніе.—Работаю надъ своимъ самообразованіемъ.

Не имѣя никого знакомыхъ въ столицѣ, безъ всякаго документа, безъ вещей, безъ денегъ, я нѣсколько дней шатался безъ всякаго пристанища, пока рѣшился наконецъ отыскать сестру моего крестнаго, баронессу Фонъ-Белькнапъ. Последняя объявила мнѣ, что немедленно напишетъ обо мнѣ брату, до полученія отвѣта отъ котораго и предложила остаться въ ея квартирѣ. Этимъ-то временемъ, я и долженъ былъ воспользоваться, чтобы устроить себя. Первое, что я сдѣлалъ, это—написалъ и подалъ министру просьбу о принятіи меня на казенный счетъ въ одну изъ гимназій. Въ отвѣтъ—объявленіе, что я долженъ обратиться къ начальству того учебнаго заведенія, въ которое желаю поступить. Тогда я бросился къ директорамъ гимназій; нѣтъ казенно-коштныхъ вакансій. Въ отчаяніи, я написалъ оберъ-полиціймейс-